

Александр Орлов

РЕПЕТИЦИЯ

Александр Орлов

Репетиция

«Издательские решения»

Орлов А. В.

Репетиция / А. В. Орлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968656-5

Солнечный зайчик отразился от окошка напротив и весело заискрился в стекле. Мухи затеяли в нем свою бестолковую возню. Сергей Ильич повесил на плечо сумку, подошел к окну и выглянул напоследок во двор. Там под древним ясенем стоял человек в светлой куртке или кителе и, прикрыв ладонью глаза от яркого солнца, внимательно смотрел на него. Лица его нельзя было разглядеть, но человек показался Волину смутно знакомым. Он поднял руку и дружески помахал ему.

ISBN 978-5-44-968656-5

© Орлов А. В.
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ. ВРЕМЯ РАЗБРАСЫВАТЬ КАМНИ...	6
ГЛАВА 1. ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ	9
ГЛАВА 2. НОЧЬ НА РЕКЕ	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Репетиция

Александр Владимирович Орлов

© Александр Владимирович Орлов, 2019

ISBN 978-5-4496-8656-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ. ВРЕМЯ РАЗБРАСЫВАТЬ КАМНИ...

*Проявления психической жизни видоизменяются в столь обширных размерах... что нельзя и думать об установлении какой-нибудь нормы...
Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона*

– Ой! – раздался звонкий девичий голос, затем послышался шлепок ладонью. – Комары проклятые!

Илья Сергеевич Нилов с трудом открыл глаза, спустил затекшие ноги с лавочки, принял, наконец, более или менее вертикальное положение и огляделся. Уже рассвело. Сколько же он проспал? На соседней лавочке сидела девушка лет двадцати.

– Извините! – зачастила она. – Не хотела вас будить, да комары достали! Август уже кончается, а тут комары...

Илья Сергеевич удивленно уставился на нее.

– А я уже давно за вами наблюдаю, вы спали, а я тут сидела...

– Зачем? – тупо спросил Илья Сергеевич, еще не вполне проснувшись.

– ...совсем меня комары заели, – продолжала трещать таинственная незнакомка. – Как вы только могли тут спать?!

– Гм, да я как-то их не заметил... – пожал он плечами, начиная «светскую» беседу. – Меня вообще комары не очень донимают...

– Значит, у вас кровь такая! – девушка глубокомысленно кивнула. – Я слышала, что это от группы крови зависит. У вас какая группа?

– Первая, – послушно ответил Илья Сергеевич.

– А меня Дашей зовут. У меня вчера именины были, вчера ведь семнадцатое было? – невпопад продолжила его собеседница.

«Что она вообще тут делает в такую рань?» – зашевелилась, наконец-то, в голове Ильи Сергеевича первая здравая мысль. Но ее он оставил при себе.

– Вот как, поздравляю... Так вы верующая? – улыбнулся он.

– Не знаю, наверное, – нимало не смутилась его собеседница. – Папа мой говорит, что он атеист. А друзья – все по-разному. Вот один знакомый музыкант говорит, что Бог – это музыка, а другой знакомый, художник, говорит, что вообще все люди во что-то верят, просто все по-разному... А вас как зовут? А то разговариваем, а я даже не знаю, как к вам обращаться.

– Илья, – представился, усмехнувшись, Илья Сергеевич. Беседа начинала его забавлять.

– Вы, наверное, приезжий?

– Да. Вот, в гостиницу... опоздал.

Действительно, нашему герою, Илье Сергеевичу Нилову, довелось родиться в столице нашей Родины, Москве, где он и прожил всю свою сознательную жизнь. Однако любил попутешествовать. В скобках заметим: более по «городам», чем по «весям». И совершенно особенное место среди них занимал Ленинград. По не вполне ясной причине его как магнитом тянуло сюда. За свои неполные тридцать шесть лет он успел побывать здесь такое множество раз, что знал город едва ли не лучше Москвы. Но снова и снова приезжал сюда – не как правильный турист, дабы поглазеть на «достопримечательности», да и не в поисках новых впечатлений. Скорее – на встречу к старому другу, с которым вроде бы и виделся не так давно, но по которому успел уже соскучиться.

Вот и теперь, несмотря на то, что в июне восемьдесят девятого, всего-то пару месяцев назад, наш герой уже успел побывать в этом городе, в августе он снова оказался здесь, имея на всё про всё выходные, да еще два отгула – за работу в ночную смену! Приехал вчерашним вечером, в четверг, и сразу направился на Выборгскую сторону, где на Лесном проспекте име-

лась небольшая гостиница, которую не жаловали туристы и в которой ему уже доводилось останавливаться. Однако на этот раз он промахнулся – свободных мест не оказалось. В такой «негостеприимной» гостинице Илья Сергеевич задержался ненадолго, было не столь еще поздно, когда он покинул ее, вышел к Выборгской набережной и направился в сторону Черной речки.

Все же надо было озаботиться хоть каким-то ночлегом. Заниматься лихорадочными поисками других гостиниц на ночь глядя он считал занятием бесперспективным. Кемарить в тесноте, в зале ожидания вокзала, также не хотелось – вечер был на удивление теплым, даже душным. Тем более что некогда он уже пытался переночевать в зале ожидания Финляндского вокзала, но после отправления последнего поезда всех выставили на свежий воздух. Как дело обстояло теперь, он проверять не собирался. Не на Московский же вокзал ехать?

Вспомнил, как прекрасно провел ночь на скамейке в Михайловском саду в свой последний вояж. А ведь там, дальше, за Черной речкой находится доступный Салтыковский сад. Где можно найти тихий уголок и безлюдную скамеечку. Конечно, можно было бы найти такое временное пристанище и поближе, например, неподалеку от вокзала располагался Сампсониевский сад. Но возвращаться не хотелось. Да и рановато еще на ночлег располагаться... Он с удовольствием шагал теперь все дальше по набережной, любуясь ясным закатным небом, Большой Невкой и видами на ее противоположном берегу (справа больше «радовали глаз» красного кирпича фабричные постройки). Так он миновал Аптекарский и добрался уже до Каменного острова. Быстро смеркалось. Когда Илья Сергеевич приблизился к цели своего путешествия – и вовсе стемнело, в небе зажглись звезды.

Однако не повезло ему и тут. Едва он миновал величественное здание Морской академии и добрался до Ушаковского моста и улицы Академика Крылова, служившей продолжением Каменноостровского проспекта, на этом берегу реки, как заметил, что в саду, несмотря на поздний час, спуют люди, а со стороны станции метро доносится шум моторов. Видимо, там затеяли какую-то стройку...

Что же?! Можно было теперь перейти на Каменный остров или продолжить путешествие по набережной в район Старой Деревни и далее переправиться на Елагин остров? Илья Сергеевич по наитию выбрал второй, не самый короткий вариант.

Это был странный выбор! Почему он не свернул теперь на мост, не задержался, наконец, в многочисленных скверах, которые прошел? Впрочем, такие мысли в то время вовсе не посещали Илью Сергеевича. Он просто шел и шел пустынной набережной, любуясь уже огнями вечернего города и звездами, будто ведомый кем-то или чем-то неведомым. При этом чувствуя себя великолепно. В своем созерцательном, где-то даже – медитативном настроении он, верно, так дошагал бы и до Ольгино... Однако вдруг, несколько не доходя до стрелки Елагина острова, его внимание привлек небольшой безлюдный сквер с двумя рядом стоящими лавочками и с прекрасным видом на реку...

– Так, значит, вам негде остановиться?! – странная девушка Даша захлопала в ладошки. – Как же нам повезло!

– Что?!

– Илья, я вас сейчас отведу – тут неподалеку. Там как раз комната свободная...

«Ну вот, приехали! Так я и думал... – пронеслось в голове нашего путешественника. Впрочем, о чем он, собственно, сейчас „думал“, он сам не очень понимал. – А ей-то какая корысть? Что это она тут плела: „Вы спали, а я смотрела“?»

Илью Сергеевича всегда интересовали люди – не то чтобы странные или «с придурью», а, скажем так, люди нестандартные, со своими особенностями в общении. Хотя, будучи интровертом, Илья Сергеевич никогда не искал общения ради общения, более того – начать разговор с незнакомым человеком всегда было для него непростой задачей. Он предпочитал сперва понаблюдать исподволь за своим возможным собеседником, присмотреться... Часто этим и ограничиваясь.

Но тут все было как-то уж «слишком»! «Даша», значит, ну-ну... А может, сектантка какая-нибудь? Или просто – сумасшедшая... А может, действительно комнату сдают?

– У меня с деньгами негусто! – на всякий случай сказал он.

– Это ничего! Бесплатно живите!

Это походило на какой-то розыгрыш или инсценировку. Но зачем? Он внимательно посмотрел ей в глаза – ничего особенного... Впрочем, понравилось, что глаза не накрашены.

– Ну что вы! Я не... эта! У меня и жених есть! Идемте, тут недалеко – на Школьной. Я сейчас вам все-все расскажу...

И что же вы думаете? Тут наш герой поднялся и отправился, ведомый своей таинственной спутницей, в неизвестность.

ГЛАВА 1. ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

Не жалко кузнецу Пантохе земли. Клином вышли все дорожки хоженые. Клин будто уперся в Живодерку. Живодерка-то вышита до самого донца. Кем вышита – неведомо...

С. Жданов. Мартемьяниха

Путь к обещанному пристанищу действительно оказался недлинным и занял не более получаса. Для Ильи Сергеевича, поглощенного беседой со своей провожатой, это время пролетело незаметно.

Они быстро вышли на улицу Савушкина, свернули в боковой переулок, пересекли Дибуновскую и вскоре шли уже Школьной улицей – бывшей седьмой линией Старой деревни. Улицы – точнее, порядки домов, параллельные набережной, некогда именовались, так же как и на Васильевском острове, – линиями. Интересно, что свое нынешнее название первой получила именно Школьная улица, еще «при царе-батюшке». Она была практически безлюдна в этот час, несмотря на то, что по летнему времени было уже около шести часов. Проходим просто неоткуда было взяться здесь. И Дибуновская, и Школьная были застроены в этих своих частях желтыми однотипными домами всего в два или три этажа – их после войны строили пленные немцы. Не радовали глаз и торговые ларьки, которые успели расплодиться к пятому году «перестройки» в обеих столицах. Так, что некоторые улицы поближе к центру или возле станций метро теперь больше напоминали базар. Взять, к примеру, пешеходную Первую Советскую улицу – около Московского вокзала: там для пешеходов оставался только узкий проход между ними. На Московском Арбате Илье Сергеевичу давно не доводилось бывать, но он не сомневался, что и там дела обстоят так же.

Дом, к которому они подошли, несколько отличался от окружающих его. Он стоял во втором ряду за типичным «немецким» домом, тоже двухэтажный, но, вероятно, более старой постройки. Первый этаж его был несоразмерно высок, а второй, скорее, представлял собой мансарду. Посередине располагалось парадное, но сбоку имелся еще один, очевидно, позднее пристроенный вход. За домом виднелось длинное строение промышленного типа, вероятно, какой-нибудь склад (таковым он впоследствии и оказался). А перед ним, занимая собой большую часть узкого дворика, высилось огромное, более чем в обхват толщиной, развесистое дерево. Ясень – что вообще-то не совсем обычно для северного питерского климата.

– Вон ваша комната, – указала девушка на окно второго этажа. – Подождите минутку, я ключ от комнаты принесу.

Она обогнула дом и побежала в сторону склада, оставив Илью Сергеевича в одиночестве. Надо сказать, что наш герой был весьма рад этому обстоятельству.

Всю дорогу его спутница трещала без умолку. Причем то, что он услышал, с трудом укладывалось у него в голове! Он облокотился о ствол древнего дерева и, занятый своими мыслями, невидяще глядел на стоящий перед ним дом. Солнце недавно только взошло, но точнехонько в небольшом открытом пространстве сбоку за домом, и светило теперь в глаза. Вдруг Илье Сергеевичу показалось, что в указанном девушкой окошке что-то промелькнуло. Отойдя за дерево и подняв ладонь козырьком, он пригляделся. Определенно за окном стоял человек и смотрел теперь на него! Лица его нельзя было разглядеть, но он показался Нилову смутно знакомым. Человек поднял руку и дружески помахал ему. «Странно, а она за ключами побежала?»

Она вскоре вернулась. Причем не одна. Рядом с нею шел пожилой интеллигентного вида мужчина, сухощавый и горбоносый. Когда он поравнялся с Ниловым, то окинул его цепким оценивающим взглядом, затем протянул руку и вежливо представился:

– Казимир Маркович!

– Илья Сергеевич...

– Очень приятно! Располагайтесь, почувствуйте себя как дома, Дашенька вам все покажет. Мне же надо возвращаться на работу – я только на минутку отлучился. Надеюсь, мы еще с вами встретимся и побеседуем.

– Ты права, действительно очень похож! – кивнул он девушке, прежде чем отправиться восвояси.

Эти слова, произнесенные взрослым и, по-видимому, неглупым человеком, произвели на нашего героя сильное впечатление. Дело в том, что он не воспринял рассказ странной девушки Даши с должной серьезностью и шел за ней больше из любопытства.

Их дорожная беседа началась с горячих заверений девушки, что на набережной она оказалась совершенно случайно и их встречи специально не искала, что она и вообще «жаворонок» и любит погулять по утрам... И далее поведала, что: «папа на дежурстве», Петр Петрович вчера допоздна со Славским пил водку и ругался с женой, и теперь они будут долго дрыхнуть. Так что репетиция будет только вечером («Ну, слава Богу! Это, конечно, все объясняет», – пожал плечами Нилов) ... А свободная комната в данный момент действительно имеется в наличии. Вообще-то там проживает их сосед Саша, сейчас он в командировке, но у папы есть ключи...

– Сашка вообще-то из Колпино. Но работает тут неподалеку, на Комендантском. На работу каждый день ездить: электричка, потом метро, автобус... Он инженер, мы вместе с ним в Политехе учились! – пояснила она с гордостью. – Он сейчас уже закончил, а я только на четвертый курс перешла...

– Вам тоже в институт не близко ездить, – с трудом вклинился Илья Сергеевич в разговор. – Еще вы сказали, что сосед ваш в командировке, как же я смогу там без его ведома остановиться? Вряд ли такое может понравиться?

– Понравится, понравится. Это еще, может быть, и наш театр спасет? – непонятно, но убежденно ответила его собеседница. – И вообще, он мой жених! И папа не против. Только говорит: «Институт сначала закончи», – ну, это мы еще посмотрим!

– Кхм! А что вы про какой-то «театр» говорили?

– У нас самодеятельный театр...

– Простите, что перебиваю. У кого это «у нас»?

– У нас еще в институте был студенческий театр. Ну, он и сейчас есть. Но Саша-то уже там не учится! И вот мы решили создать свой самодеятельный театр, ну или студию, – «С песней по жизни». Нашли помещение – на фабрике «Красный деревообделочник». У них есть что-то вроде клуба. Папа договорился – он как раз им заведует. Мы там и живем. Ну, то есть – в том же доме. Там на втором этаже квартира, а на первом – «Ленинская комната» и такой залище, что вся фабрика влезает, когда они собрания какие-нибудь устраивают. Не знаю, что там до революции было, а в двадцатые годы – там точно рабочая самодеятельность занималась. Сейчас им, конечно, не до самодеятельности. Рабочие разбегаются... А потом разговоры пошли, мол, весь первый этаж собираются какому-то кооперативу в аренду сдать! Ну, сдадут или не сдадут – это еще неизвестно. Петр Петрович, по-моему, просто из вредности хочет нас выставить!

– Директор?

– Активист – «Заслуженный деревообделочник»... Ему уж и про «перестройку», и про «гласность» – всё без толку! А нас ведь уже и на конкурс приглашали!

– Так! Я вам сочувствую, но теперь колитесь: я-то здесь при чем? С чего это вдруг вы решили благотворительностью заняться?

Даша печально вздохнула и продолжила свой рассказ:

– Недавно приехал к нему в гости приятель – Славский Трофим Денисович. Говорит, что – режиссер. По-моему, так проходимец какой-то. Вот они несколько дней водку пили,

а потом вдруг и заявляют: мы, мол, написали сценарий и решили привлечь вас с «дружком твоим» к постановке спектакля к юбилею фабрики. Возродить, так сказать, славную традицию рабочей самодеятельности «Красного деревообделочника»! Тогда закроем глаза на ваше песенное безобразие и про помещение словечко замолвим. Ну, мы и согласились. Стали репетировать... Завтра должен кто-то из райкома приехать – генеральную репетицию смотреть. А тут Сашу в командировку заслали! Так этот гад и говорит: «Что хотите делайте, но если просмотр провалите – пеняйте на себя!»

Тут наш герой начал уже смутно о чем-то таком догадываться...

– И о чем же спектакль? – вкрадчиво поинтересовался Илья Сергеевич.

– Да, дебилизм какой-то. «Антирелигиозная комедия против пропаганды общества потребления», – процитировала Даша. – Или что-то в этом роде. Про «грехопадение». Я Еву играю, а Саша – Адама...

Нилов уставился на эту «несостоявшуюся актрису». Он только сейчас заметил, что у нее рыжеватые волосы, беспокойные с хитрецей глаза и движения – только на первый взгляд суетливые, скорее – быстрые и уверенные. «Экая лисица!»

– В фиговых листочках играете? – криво усмехнулся Илья Сергеевич. – Ах, нет! Совсем позабыл! Листочки-то они только потом нацепили.

– Нет! Адам – рабочий, Ева – колхозница... Главное, что эти райкомовские «культуристы» Сашку в лицо знают! А вы с ним очень похожи, прямо одно лицо! Я вас как увидела...

– У тебя здесь всё в порядке?! – перешел на «ты» Нилов и покрутил пальцем возле виска.

– Там у вас и слов-то почти нет! В основном змей говорит – он Передовую Науку представляет, да я «искушаюсь». В конце мы все поем, но под фонограмму. Надо только рот открывать...

– Да не стану я в вашем сумасшествии участвовать! Кстати, если вы вместе учились, этому Саше лет...

– Он не сразу поступил – после армии. Ему уже двадцать шесть...

– А мне скоро тридцать шесть исполнится!

– Да? Да, конечно, я понимаю... Но вы все равно у нас оставайтесь. Я же обещала! – всхлипнула Даша.

Они немного прошли уже молча. Как ни странно, несмотря на все свое «здравомыслие», в душе Нилов нимало не усомнился в искренности своей спутницы. Он даже ей сочувствовал!

– А почему ключи от комнаты соседа – у вашего папы? – небрежно полюбопытствовал Илья Сергеевич, снова переходя на вежливое «вы», когда они уже совсем приближались к месту назначения. Так, словно все остальное ему было совершенно понятно.

– Потому, что это наша комната. Когда нам комнату дали, мы перегородили ее пополам – там два окна. В одной комнате я живу. В другой – жили родители. Потом, когда мама умерла, мы ее сдавали, а потом там Саша поселился. А папа в клубе живет. Там есть каптёрка, а в ней: топчан, плитка. А в «Ленинской комнате» – даже телевизор. Хотя он телевизор не любит смотреть. Говорит, что если захочет развлечься, то лучше в цирк пойдет... А иногда на складе ночует – он там ночным сторожем подрабатывает...

Вот таким странным образом, за непринужденной беседой и совершенно неожиданно для себя, наш герой и оказался поутру наедине со своими мыслями и древним ясенем. Впрочем, ко многим странностям этого своего последнего вояжа он стал уже привыкать.

– Итак, вы – Дарья Казимировна? – наклонил голову Нилов. – Ну что же! Ведите меня, таинственная незнакомка.

– Что, не похожа? – облегченно хихикнула его провожатая. Казалось, она обрадовалась уже тому, что оставленный под деревом приезжий ее послушно дождался. И, по-видимому,

не оставляла надежду втянуть его в свою сомнительную авантюру. – У меня бабушка полькой была, а мама – русская... И мы уже час как знакомы!

– Я не это имел в виду, – смутился Илья Сергеевич.

Между тем они вошли в парадное, миновали массивную двухстворчатую боковую дверь и стали подниматься по лестнице.

– Да! Когда вы ходили за ключами, я там, в окошке, видел человека, – вспомнил Нилов. – Может быть, это хозяин вернулся из командировки? Он мне даже рукой помахал.

– Нет, папа бы знал! Наверное, вы окно перепутали – там дальше комната Николая Севериновича, художника нашего. Хотя странно – он так рано никогда не встает. Тот человек в очках был?

– Определенно нет.

– Тогда вам показалось. У Николая Севериновича зрение минус пятнадцать.

На площадке второго этажа было уже две двери. Возле правой – стояли костыли.

– Нам сюда, – показала Даша на дверь слева. – А в другой квартире как раз Петр Петрович проживают.

– Он что, инвалид?

– Какое там! Весной с лестницы свалился – ногу подвернул. С тех пор костыли с собой на работу таскает, если не забудет. Вот, мол, «работаю не щадя себя».

Девушка отомкнула входную дверь, и они вошли в просторную прихожую.

– Вот моя дверь, следующая – ваша, дальше – Николая Севериновича, напротив – Ивана Ивановича, он музыкант. Справа по коридору – туалет и ванная, а дальше – кухня... Кухня у нас общая со второй квартирой. Собственно говоря, это одна квартира. Просто сделали в каждой части свой вход, ну и «удобства», а кухня общая.

Продолжая свои объяснения, девушка подошла к комнате Николая Севериновича, тихонько постучала в дверь и прислушалась.

– Спит еще! – поднесла она палец к губам, затем прошла к комнате, предназначенной нашему путешественнику, отперла дверь и посторонилась, пропуская его вперед.

– Проходите! Постельное белье я сейчас поменяю...

– Даша, когда, вы говорили, у вас эта репетиция? – принял, наконец, Нилов очередное странное решение.

– Вечером, часов в шесть! Спасибо!!

– Ладно! Я сейчас уйду, вернусь до шести...

– А может, чаю попьете, у нас хороший – со слонами? Сейчас и папа придет – он после дежурства всегда заходит...

– Нет, спасибо. Мне надо идти! – Илья Сергеевич шагнул было к двери, затем вернулся, стянул с себя куртку и повесил ее на спинку стула – день обещал быть жарким.

– Вот, в залог оставляю, что вернусь. До свидания.

– До свидания! Когда придете, позвоните один раз – это ко мне. Я буду дома, и ключи вам передам.

Поспешное бегство нашего героя из своей новой, столь гостеприимной, квартиры было вполне оправдано. После всего случившегося ему хотелось привести в относительный порядок свои умственные способности. А главное – не за тем же он ехал в другой город, жертвуя своими законными выходными и заслуженными отгулами, дабы распивать теперь чай в сомнительной компании и участвовать в какой-то безумной инсценировке (это было первое приличное слово, которым он обозвал предстоящее действие, вторым было – «в авантюре»)!

Еще когда Нилов шел сюда, то заметил неподалеку, по правой стороне Школьной улицы, автобусную остановку. Которой он и воспользовался, чтобы добраться до ближайшей станции метро – «Черная речка».

В окрестностях станции все еще продолжались строительные работы – видимо, спешно меняли какие-то коммуникации. Впрочем, ремонт близился к завершению. Большинство раскопов были засыпаны, и кое-где стали заново укладывать взломанный накануне асфальт. Илья Сергеевич спустился под землю – и скоро уже выходил на Каменноостровский проспект, на станции «Петроградская». Почему он поехал сразу сюда? Во-первых, он особенно любил этот питерский район. Во-вторых, в последний раз наш путешественник убедительно принимал пищу еще в Москве. И ему банально хотелось есть. По приезде в Ленинград, по дороге в гостиницу, он ограничился лишь пирожком да рюмкой водки. С последним – тут дело обстоит так же худо, как и в столице (хотя он был убежден, что, поскольку, по слухам, все виноградники в стране уже были благополучно вырублены, а по самогонварению Америке двадцатых годов давно утерли нос, с «полусухим законом» пора было завязывать). Однако – «места знать надо»! Честно говоря, от рюмочки напитка он не отказался бы и теперь. Однако близлежащая рюмочная была еще закрыта, у соответствующих магазинов очереди начнут выстраиваться только через несколько часов – так что Илья Сергеевич был вынужден ограничиться обедом «всухомятку» в известной ему круглосуточной столовой. После чего вновь воспользовался синей линией, дабы добраться до Невского проспекта. Сия достопримечательность давно была исхожена им вдоль и поперек. Прогулка по Невскому имела, скорее, «ритуальное» значение – как же можно было ей на этот раз пренебречь?

Только теперь, праздно продвигаясь в сторону площади Восстания, Нилов вернулся мыслями к недавним приключившимся с ним странным событиям. До этого он гнал от себя такие мысли, оправдывая это прочими насущными делами. Ничего подобного с ним ранее не приключалось. Но это ничего не значило: «в жизни всякое бывает» – в этом он был совершенно уверен. Илья Сергеевич никогда специально не искал приключений на свою голову и прочие части тела. Но уж если, волею случая, оказывался в них вовлеченным, старался в каждом отыскать что-нибудь поучительное – расширить, так сказать, свой кругозор. Пока, правда, для такого полезного занятия явно недоставало информации. Поэтому, отложив до вечера решение головоломки по существу, он больше сосредоточился на известных ему персоналиях.

Впрочем, это «сосредоточение» было весьма условным, скорее представляя собой некую череду ассоциативных воспоминаний. Единственное, на что его хватало – держать этот поток в приемлемых границах, не забредая куда-то совсем уж далеко в сторону. Заметим, что чем дальше, тем всё хуже это ему удавалось.

Например, к тому времени, когда Нилов, миновав и площадь Восстания, и Суворовский проспект, уже двигался Дегтярным переулком в сторону Невы, мысли его занимала... маленькая «бледная лиса», которая водится в землях африканских догонов. Этот рыжий зверек почитается догонами как образ Бледного Лиса, Йуругу – трижды восставшего против своего создателя Аммы («в начале был Амма, который покоился ни на чем...») и, наконец, сосланного им таки на Землю, где тот впоследствии успешно учил первых людей Звездному языку Сигисо и прочим премудростям... Посланный для пригляду за людьми праведный Змей Номмо ничего не смог поделать с этим безобразием. С тех пор на Земле так и повелось: благочестивые обыватели живут правильными заповедями Номмо, а те из них, кто полюбопытней, – изучают еще и наследие Бледного Лиса. Правда, надевают при этом маски – так, на всякий случай.

Выйдя, наконец, к Большеохтинскому мосту, наш герой оказался на распутье. Во-первых, можно было пересечь мост, продолжая поступательное движение на восток, – но зачем? Во-вторых – повернуть на север и идти Смольной набережной к Литейному мосту, а затем до Финляндского вокзала – вот уж чего совсем не хотелось! А в третьих... Выбор был очевиден!

В самом прекрасном настроении Нилов спустился к Синопской набережной. Там он облокотился о гранитный парапет и какое-то время стоял, любуясь речной ширью и с наслаждением вдыхая запах близкой воды. Вода была сейчас удивительно спокойна. Совсем рядом

опустилась чайка. Он заворожено понаблюдал еще за расходящимися по водной глади кругами, после чего двинулся в сторону Лавры.

Голову его навещали теперь разве что какие-то неясные образы или прозрачные контуры, заготовки мыслей, которые Илья Сергеевич уже не стремился ни «озвучить», ни удержать, не давая сформироваться чему-то более определенному. Одни из них сменялись другими, те тоже скоро покидали его, не устояв перед таким безмолвием. Он быстро и легко шагал по Синопской набережной, не замечая ничего частного и мелкого: ни шума машин, ни встречных прохожих, ни даже – самой дороги. Совершенно так, как делал это вчерашним вечером, направляясь набережной Большой Невки к месту своего ночлега. Круг замкнулся.

ГЛАВА 2. НОЧЬ НА РЕКЕ

*В кругу облаков, высоко,
Чернокрылый воробей,
Трепеща и одиноко,
Парит быстро над землей;
Он летит ночной порой,
Лунным светом освещенный...
П. И. Карпов. Творчество душевнобольных
и его влияние на развитие науки, искусства и техники*

«А не послать ли их всех к черту?» – достучалась-таки до сознания Ильи Сергеевича какая-то особенно настырная мыслишка – в общем-то, вполне здравая, но теперь совершенно неуместная. Ибо посетила она нашего странника не где-нибудь, а в Митрополичьем саду. Когда он сидел, в полном умиротворении, на лавочке в тенечке, любуясь голубями и золочеными куполами церквей.

– Кыш! – отреагировало Сознание. – Не мути воду! Не мути воду, и она останется чистой...

– А так ли чисты воды этого потока? – тут же съехидничала Мысль. – Впрочем, известно: чем сильнее жажда – тем чище вода...

– Мысль – ты глупа! Одно дело, когда пользуешься речной водой, другое – получаешь пользу от самой реки. Вот ты смотришь, как течет вода, а видишь – ее поток, смотришь, как горит огонь, и видишь пламя. А ведь можно еще и слушать...

– Так зачем же в воду-то лезть! Посмотрел с бережка, послушал, как шумит, – и довольно! – Мысль заметно конкретизировалась. – К тому же, когда полезешь, сам вольно или невольно ее взбаламутишь. «Не мути воду!» – не так ли?

– Видишь ли, чем река глубже, тем меньше издает шума... Эх, да и не донырнуть мне до дна!

– Не пробуй глубины реки двумя ногами! – предостерегла Мысль – и напоследок использовала свой самый сильный аргумент: – Нельзя войти дважды в одну и ту же реку!

– Да, нельзя... – Сознание немножко затуманилось печалью. – Все течет, все меняется... И она изменится. Станет другой, чем была прежде. Но и останется при этом все той же самой рекой! Такова жизнь...

Сами понимаете, что после всего этого Илье Сергеевичу не оставалось ничего другого, как опять подняться с уютной лавочки и отправиться... – куда бы вы думали?

Впрочем, до оговоренного срока оставалось еще много времени, и спешить необходимости не было. И вскоре Нилов снова двинулся по набережной, теперь уже – Обводного канала. Затем Московским проспектом вышел к Садовой улице, пока, наконец, не добрался до Невского проспекта. Тем самым кольцом своего маршрута охватывая изрядную часть самого большого питерского острова, который по недоразумению так и остался Безымянным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.